

КОМСОМОЛЬЦЫ В ПЕРВЫХ РЯДАХ

Комсомольская бригада Астацкого (Магнитогорского) металлургического завода все время перевыполняет производственные задания. Бригада идет с планом 130—150 проц.

Фот. Георгий

Комсомол на уборочной

Магнитогорский Союзтранс отправил на уборочную
нампанию в Петропавловский район (Зап. Сиб. края)
12 автомашин и комсомольскую бригаду в помощь
колхозам и совхозам

Фот. В. Георгиева

XX 146
13

Огонек

№ 24 (448) 31 августа 1932 г. (15-й год пролетарской революции)

ПЛАМЕННЫЙ ПРИВЕТ ЛЕНИНСКОМУ КОМСОМОЛУ— КРЕПКОЙ ОПОРЕ БОЛЬШЕВИСТСКОЙ ПАРТИИ

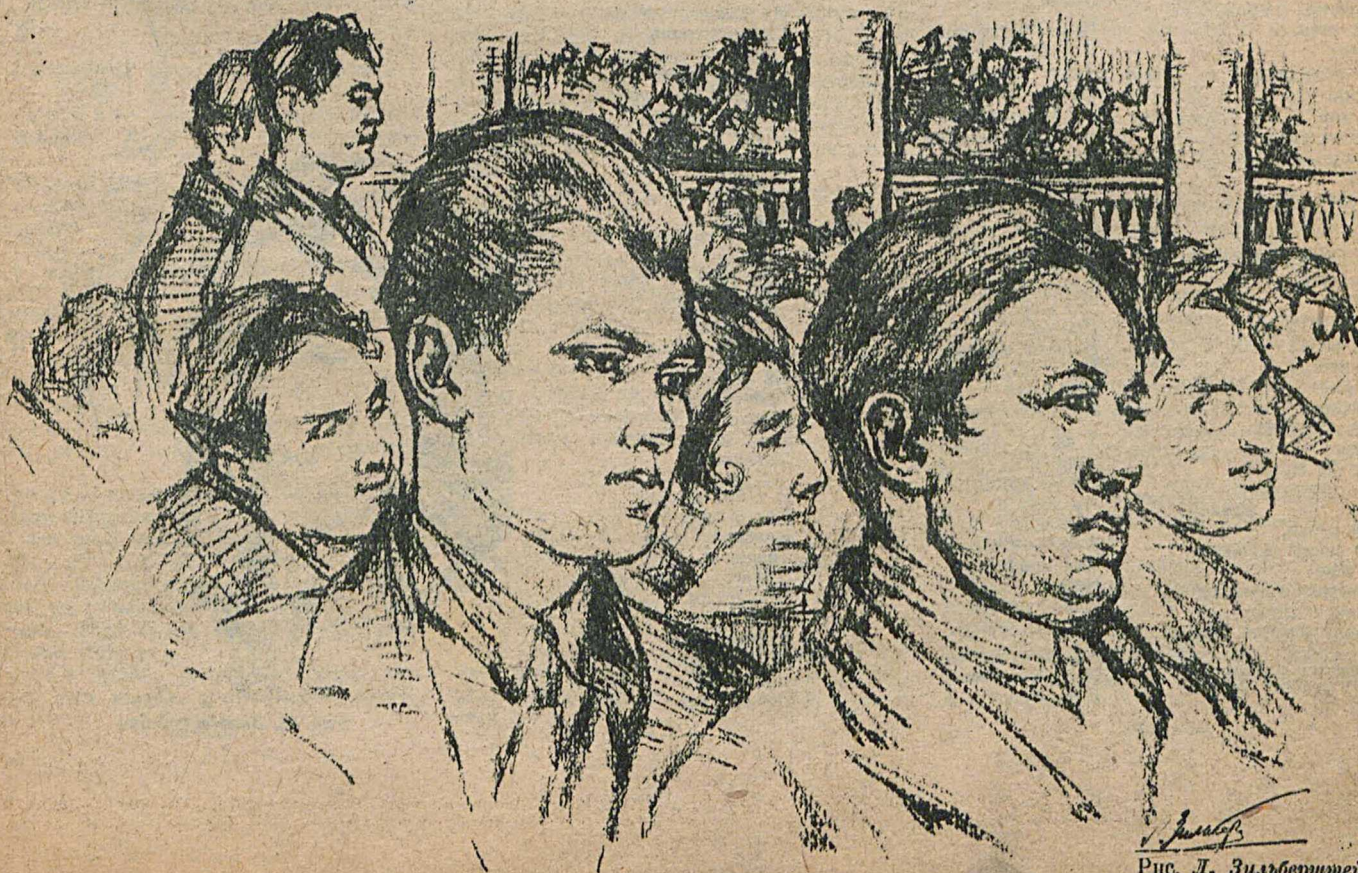
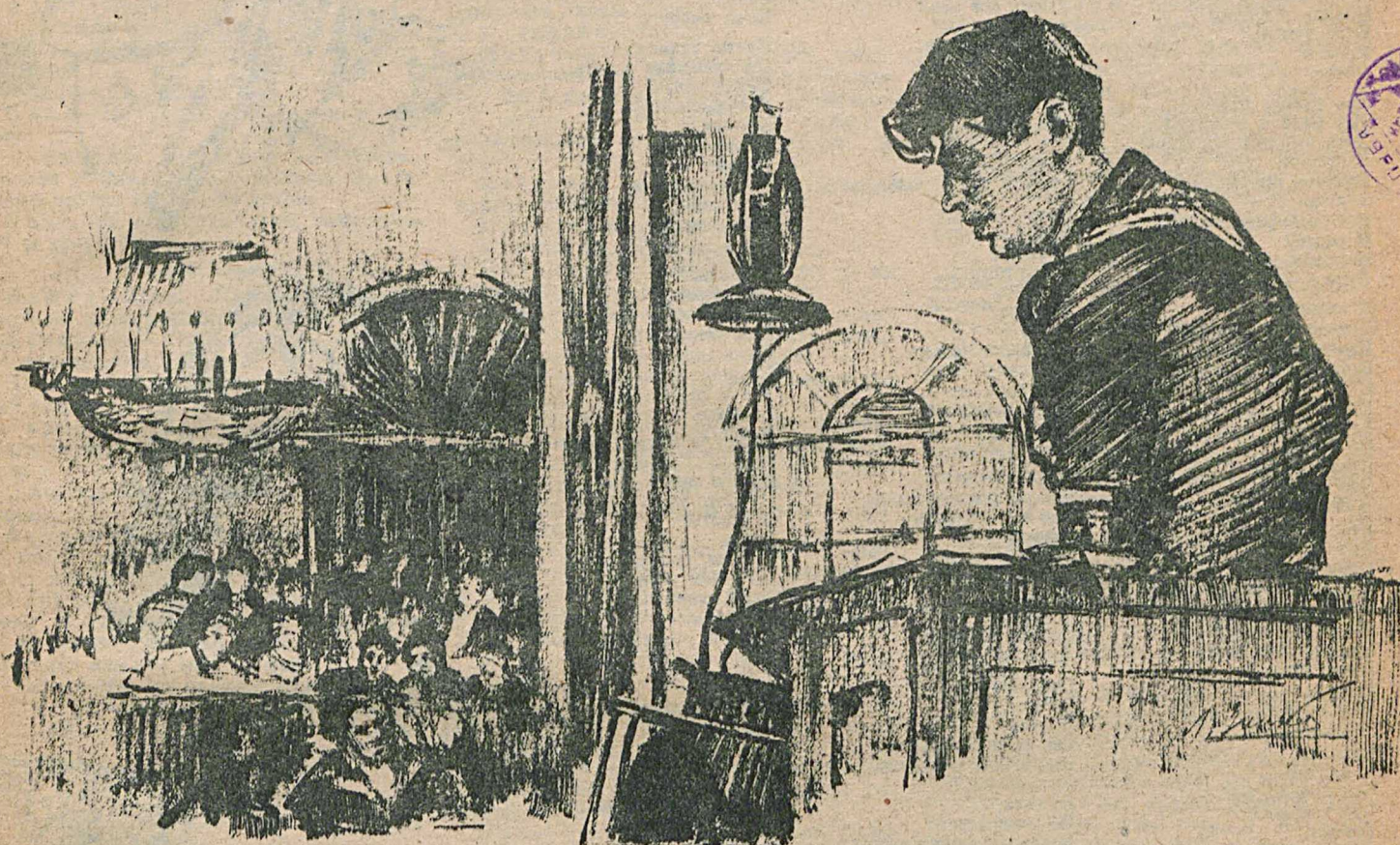

Рис. Л. Зильберштейна

Первое поколение

Отрывок из поэмы¹

Друзья мои,
Ровесники,
Погодки,
Родное
Комсомольское людье.
Как будто нам
В ту ночь
Налили в глотки
Клокочущее,
Красное
Литье.

Так жгло в груди,
Так жгло и поднимало,
Хоть выйди в переулок
И кричи:
Прорыв, прорыв!!!...
А ночь
Все подбирала
К сердцу
К моему
Свои ключи.

Я слово взял.
Хотелось постепенно
Начать с пролетов,
С брака.
С ТЭ-ЭН-БЭ.
Но головой
Ударилась
Об стены
Слова о том,
Что носим мы
В себе.

Кто думал бы,
Что парень
Пулю вылетит.
Такой высокий
Заберет полет,
Но стодюймовкой
Раненый на-вылет
Перед глазами
Вырос
Мой пролет...

Я, член бюро,
Ударник
И оратор—
Что хочешь пой,
Что хочешь
Городи.
Вузу такую
Наплетешь, ребята,
Когда сверло
Сверлит
В твоей груди.

Ах, как оно
В те дни
Нас всех сверлило.
Я говорил...
Слова
Взрывали грудь...

Мы можем
Нашей
Коллективной силой
Все радуги
Согнуть
И разогнуть.

Такая сила
Жжет всегда
Бока мне.
Не устает
Кровь клокотать
И бить.
Я мог бы Марс
Сейчас с размаху

каменем,

Как воробья,
С его высот сшибить.
Кого еще
Так высоко взметало,
Как нас в труде
Взметает каждый час,

Так почему ж
Прорыв
Ковшом металла
Горящей сталью
Всех ошпарил нас.

Который день
Злость ест меня
До кости.
Антон Антоныч,
Милый,
Старина,
Да это ж
Все равно,
Что быть в коросте,
Когда вокруг
Обмыта вся страна.

Борьба идет,
Волну к волне
Скатило.
Магнитогорск,
Кузнецк,
Кузбасс,
Урал.
Все наши пальцы
В кулаки
Скрутило
Столб нефтяной,
Как смерч,
Кору прорвал.

Так брызнул он,
Что до луны достало.
Кто мог бы быть
Еще в труде
Людей?...
За сотни тысяч лет
Ветрам
Досталось
Сейчас впервые
Договаривать людей.

Они летят
По городам
И весям.
Все зубы искрошив,
Всю злость перемели,
Из берегов,
Из скал,
Из равновесий
Волчком вывергивается
Земля.

Нам с эстафетой
Первой пятилетки
Через вторую
Пробежать дано.
Но загляните мне
В грудную клетку—
Поглубже
В сердце самое,
На дно.

Не знаю, что
Творится там,
Ребята?...
Напор крови
Все клапаны
Прорвет.
И через сердце,
Как через экватор,
Еще один
Пройдет кровопровод.

В каких завод наш
Переделках не был,
Но не дружил
Ни разу и
С тоской.
А вот сейчас,
Мне показалось
Небо
Одной огромной
Черною доской.

Мне показалось
Мы сорвались
С такта.

Бухует мир
Знамена знамени,
А где-то там,
Под Краснодаром
Трактор
Не вышел в бой
Сейчас
Из-за меня.

Цветет знамен
Прокушенная алость.
Кипят котлы
Расплавленной
Борьбы,
А из-за нас
Страна
Не досчиталась
Еще одной
Нацеленной трубы.

Продернут он
Батумский
Нефтепровод
Сквозь землю так,
Как нитка
Сквозь иглу.
Но показалось мне,
Что я дал повод
Взорвать
В дистернах
Нефтяную иглу.

Друзья мои,
Нет, это не повинность,
А счастье
Знать,
Что мы, смывая слезы,
Всем чем угодно—
Даже пуповиной.
Дыханьем
Со всей страной срослись.

И нам легко
Нести
Любую тяжесть,
Нас породнил
И сплавил всех
Октябрь.
Порежешь палец—
И у всех сейчас же
Кровь выступает
На ногтях.

Не так вздохнешь,
Почувствуешь
Ссыханье
Во рту своем—
И свист со стороны,
И перехватит
В тот же миг
Дыханье
У дома,
У шахт,
У труб,
У всей страны.

Есть загогулины,
Есть заковырки,
Не рассчитав
Умения
И сил.
На фартуках
Растачивал
Дырки,
Я их на волосок
Перекосил.

И в тот же миг
Как с горного
Массива
Увидел я,
Привставши на носок,
Что трубы
Всей страны
Перекосило
На этот вот,
На самый
Волосок.

Рис. Л. Зильберштейна

¹ Полностью поэма печатается в журнале "Молодая гвардия"

Молодая гвардия

Отрывок из новой пьесы Марна Колосова

Заводский двор. У цеха останавливаются Саша Алексеев и Паня. Время действия 1917 год.

Паня.—Ну вот и цех твой, Саша. Как дошли, даже незаметно. Прощай...

Алексеев.—Постой. Придешь ли вечером?

Паня.—Куда?

Алексеев.—На курсы.

Паня (оживляясь).—На курсы, приду.

Алексеев.—Ждать ли?

Паня.—Не надо, я еще домой сбегала.

Алексеев.—Ты смотри, не подведи... (быстро поправляясь). Пропустишь одно занятие, трудно будет тебе потом.

Паня.—Я приду. (Алексеев задерживает ее руку). Пусти.

(Бежит Лешка).

Лешка.—Саша, Паничка, новость, слышали, наша революция кончилась!

Алексеев.—Что ты пореешь? На митинге каком что ли был?

Лешка.—С сегодняшнего дня контр-революция настала!

Алексеев.—Надо тебе, Лешка, на митинги перестать ходить, ум за разум зашел.

Лешка.—Курсы-то наши, курсики закрыли.

Алексеев (вскипел).—Как. Кто закрыл?

Лешка.—Величкин! Ума не приложу, где вам теперь, Паяичка, свидание назначить? В парк наверное не решитесь со мной пойти. Зарезал меня Величкин. Помогите мне ему мсть учинить.

Паня.—Что ты плетешь, Леша?

Алексеев.—Ты это выдумал. Правда?

Лешка.—А вот Величкин идет. Спроси.

(Подходит Величкин)

Величкин (подает Лешке клей и кисточку).—Вот расклей в своем цехе, пострел! Да живо!

Лешка.—Не буду я вам нынче клеить.

Величкин.—Что с тобой нынче?

Лешка.—Не буду! Зачем курсы закрыли!

Алексеев.—Андрей Петрович, правду он говорит, будто вы курсы закрыли?

Паня.—Правда это?

Величкин.—Приходится, приходится, ребяташки. Будете встречаться в парке.

Паня.—Величкин! Объясните, почему закрыли курсы. Стыдно после этого вам на митингах о свободе говорить, ежели вы нам курсы урезаете.

Величкин.—Понимать надо. В ум возьми: заказы. Завод переходит на оборону. Поняла?

Паня.—Довольно обидно, Андрей Петрович, знаете, мы с этим не согласны.

Алексеев (вспышка).—Тебя ребята не для того выбрали, чтобы ты хозяину служил. Это тоже понимать надо.

Величкин.—Сознательней, сознательней, ребятаки. Вот вам объявление, расклейте! (Тычет им объявления; Алексеев не берет, Паня тоже; Величкин всучивает их Лешке. Уходит).

Лешка прочел объявление потом сделал из него голубя, с остервенением пускает.

Токарный цех. У станков Мельников и Алексеев

Алексеев.—Василий Егорыч, опять затопорилась.

Мельников (подходя к станку Алексеева).—Ну чего у тебя здесь? (Возится со станком). Резцы точил?

Алексеев.—Точил.

Мельников.—Плохо, значит, точил. (Вынимает резец). Ну куда жетакое гонится? Им и хлеба не отрежешь. (Затачивает резец). А что же ваши курсы по квалификации, или ты не ходишь на них?

Алексеев.—Нет, Василий Егорыч, курсов. Крышка им!

Мельников.—Как так?

Алексеев.—Величкин закрыл.

Мельников.—Величкин? Ну, а вы чего смотрите, молодежь?

Алексеев.—Только что с ним разговаривали. Он не только что внимания, никакого обращения не даст.

Мельников.—Ну, а вы чего смотрите, молодежь?

Алексеев.—Он что-то про оборону говорил, заказы завод получил на оборону. На курсы нам администрации час давался, так им теперь этого часу жалко.

Мельников.—Ну, а вы чего смотрите, молодежь?

Алексеев.—Что ты, Василий Егорыч, смеешься, что ли? Кто нас послушает?

Мельников.—Ну, стало-быть, так вам и надо. Стало-быть, правильно поступил.

Алексеев.—Обидно это от тебя, Василий Егорыч, слышать.

Мельников.—А чего обижаться? Кто кого может, тот того и гложет. Это такая пословица есть.

Алексеев.—Я тоже пословицы знаю: не до шуток рыбе, когда крючком под жабры хватают.

Мельников.—А ты не жди, пока крючком зацепят. Величкин он кто? Он за это жалование получает от хозяина; так что ему про оборону не говорить? А ты свой взгляд имей, небось не один, организованное мнение скажи, чем вечером в парк ходить да семечки лугать; митинг собери, половину разгонят, а другую послушают. Небось слыхал про союз молодежи?

Алексеев.—Слыхал, да только не знаю где он.

Мельников.—А ты узнай.

Алексеев.—Стой, Василий Егорыч, я один такой союз знаю, это где у меня мать в прислугах, там ученики собираются, говорят, книжки читают, социальны. Только у них, наверное, свои запросы. Страсть не люблю которые с гербами. Я их до свободы не мало покалечил.

Мельников.—А ты сходи. Может, научишься чему. Знаний у них не отнимешь.

(Подбегает Лешка).

Лешка.—Саша, там гимназисты пришли: „Кто, говорят, у вас из молодежи главный?“ Хотят о союзе поговорить. Пойдем! (Тащит его. Полуприотом). А барышня-то какая... Симпатичная!..

Алексеев (колеблется).

Мельников.—Ступай, ступай! Я тут тебе пока резцы заточу. А ты ступай. (Алексеев вытирает руки, уходит с Лешкой).

Стена цеха опускается. Двор перед заводом. Во дворе Савранский и Соня.

Савранский.—Здравствуй, Саша!

Алексеев.—Здорово!

(Лешка с умилением поглядывает на Соню).

Савранский.—Настало время, Саша, нам соединиться в единую организацию молодежи по примеру западно-европейского юношества. Наш кружок существует уже с полгода, в него входят только те учащиеся, которые признают себя интернационалистами. Мы поставили себе задачу по примеру заграничной молодежи отстаивать интересы юношества и прежде всего вести решительную борьбу против войны. Мы пришли... помочь вам!

Алексеев.—Вижу.

Савранский (покровительственно).—Ты парень, что надо! Возьмись, а мы поможем.

Алексеев.—Чувствую.

Савранский.—А кто у вас еще есть... из молодежи? (Отходит с Алексеевым в сторону).

(Происходит немая сцена между Лешкой и Соней. Они смущенно осматривают друг друга. Лешка убирает руки, попеременно меняет ногу, вытирает руки платком, старается прикрыть часть продранной одежды).

Лешка (после долгого молчания).—А у нас тут яма большая есть... (Соня вопросительно смотрит на него). Там у ворот, не видели?

Соня.—Нет.

Лешка.—Такая большая яма, разве не видели?

Соня.—Нет. А скажите, это какой цех?

Лешка.—Это ремонтный.

Соня.—Там шумно?

Лешка.—Очень шумно. (Молчание). Когда будете обратно идти, вы меня с собой возьмите, я вас другой дорогой проведу, там чище, и ям нету. А вы как... Тоже из союза будете, или... с товарищем?

Соня.—Я—член союза.

Лешка.—Вы больше к нам не придете?

Соня.—Еще приду. А там какой цех?

Лешка.—Сборочный.

Соня.—А что это несут?

Лешка.—Где?

Соня.—Вон, что-то похожее на огромную лугушку.

Лешка.—Это крошечный. Если им по голове ударить, враз жизни липишься. Одного рабочего у нас недавно раскрошило.

Соня.—Как же это?

Лешка.—Подвешивали его, а он спрыгнул, нашей одной девушки отца убило. Вот она идет, Паней зовут.

Соня (изумленно).—Да что вы говорите? (С сочувствием рассматривает Паню).

Алексеев (подходя).—Леша, Паня, бегите по цехам, собирайте ребят. Сейчас митинг организуем.

Лешка (с готовностью).—Сейчас, мигом! (К Соня). Извините! (Хватает Паню за руку, убегают).

Соня (Савранскому).—Какой милый парень, ну, право, Ванька Жуков из Чехова.

Савранский (тихо).—Оставь эти сравнения, надо выражаться проще. (К Алексееву). Будем, значит, бороться вместе! Дай руку!

(Завес).

Лешка (передавая Соне чемодан). — Опять кто-то идет, и по виду гад. (Отходит, нацупывая револьвер). Идите мимо, не заговаривая, а ежели что, то я тут же. Заряды у меня полные! (Подходит Михаил).

Михаил. — Соня!

Соня. — Мisha, куда вы?

Михаил. — А вы куда? И с чемоданом? Ну говорил я, что кружок наш повел к дну. Савранский это такая сволочь, и вот вы бежите, от хорошей жизни не побежите.

Соня. — И с чего вы взяли, что я бегу, я никуда не бегу. Вы думаете — я вещи несу, на вокзал иду; я патроны несу для отряда, Мisha, сейчас же идите с нами, вам дадут винтовку, бейте юнкеров, это они во всем виноваты.

Михаил. — Послушайте меня, Соня, вы белены обелись, Савранский — это неслыханная сволочь, до чего девушку довел!

Соня. — Не смейте, не смейте, вы трус, я вас презирать буду, если вы сейчас же не пойдете с нами.

Лешка (подходит). — Молодой человек, чего вы к барышне пристаёте. Видите, она на вокзал спешит, а вы пристаёте.

Соня. — Да ведь это же член нашего бывшего кружка, его нужно убедить, сакитируйте его, Леша.

Михаил. — Я преимущественно Марксом агитируюсь. Нет ли у вас Маркса второго тома, молодой человек? Второй раз хожу в библиотеку, а она закрыта. В первом томе старик явно выражал свое недовольство против того, чтобы при социализме закрывались библиотеки, а девушки, вместо того, чтобы читать книги и пить чай с вареньем, таскали патроны. Нет ли у вас второго тома. Может быть, он высказывает нечто резко противоположное?

Лешка. — Если он это говорит, то хорошо, что библиотека закрыта, вы лучше Мельникова почитайте, знаете такого писателя?

Михаил. — Мельникова? Такого марксиста не слышал. Но, судя по вашему поведению, учиться у него нечему.

Лешка (отводя в сторону Михаила). — Слушай, друг, вон в этом доме, квартира 10, у меня знакомый живет, студент, Еремушкин фамилия, так у него не только Маркс, но и Фаланг, и все есть, ты к нему сходи, скажи — Лешка послал, понял? (Хватает чемодан и Соню, убегает)

(Из дому выходит Игорь).

Михаил (один). — Чудовищно! Чудовищно!

Игорь. — Самое большое чудовище — это ты; ну, куда ты прешься, рассеянный человек? С кем это ты стоял?

Михаил. — Игрушка, что ты? Игрушка, нет ли у тебя второго тома Маркса?

Игорь. — Я бы с удовольствием достал его, чтобы сжечь!

Михаил. — Игрушка, я не узнаю тебя, ты сделался готтентотом, чудовищно понимаешь мир, сошел с ума, ты хочешь сжигать Маркса, а только что молодой кретин с того самого завода, помнишь, куда я неудачно ходил, „Помбей“ или „Бомбей“, что ли, так предлагал заменить его Мельниковым.

Игорь (насторожившись). — Кретин?.. С завода? Это с тобой стоял?

Михаил. — Ну да, и эта взбалмошная Сонька, сила логики которой равна твоей, предлагала мне помочь ей дотащить чемодан с патронами... Но я, конечно, еще сохранил здравый смысл...

Игорь. — Куда она пошла?

Михаил. — А черт их знает, кажется, вон туда.

Игорь. — Прощай, старик!.. (Уходит в дом).

Михаил (воткну). — Так нет ли у тебя? Ведь ты все равно его собираешься... Чудовищно!.. Пойду-ка к этому студенту... Еремушкину... (Походит к поезду, близко-руко нацупывает звонок, звонка нет, пробует открыть дверь).

(Пауза. Дверь с шумом открывается, выходит отряд юнкеров вместе с Игорем).

Игорь (офицеру). — Его нужно прихватить с собой, он удобен для разведки.

Офицер. — Пойдемте, молодой человек!

Михаил. — Убирайтесь к чорту, прапорщик, мне нужен Маркс, понимаете вы это или нет.

Офицер. — Отлично понимаю, отлично-с, мы его сейчас расстреливать будем, там на баррикадах. Этот Маркс порядком оподдел в России. Попросту говоря, немецкий шпион и большевик. Пойдемте! А то мы и подстегаем можем. (Тащит его). (На сцене пусто, темно, раздаются выстрелы, стон Сони. Голос Михаила „Людоеды, сволочи, кре...“ слышен удар прикладом).

Баррикады.

(Усиливается ружейная стрельба. Видны цепи юнкеров.

Алексеев (убегая с улицы). — Василий Егорыч, юнкера!

Мельников. — Не удержим улицу...

Алексеев. — Василий Егорыч, надо, значит, сбегать, предупредить, пускай шрифты унесут.

Мельников. — Ступай! Постои! Да подожди с минутку, может быть, вернутся. Ну, кого послал за боевым питанием?

Алексеев. — Василий Егорыч, надо предупредить, а то не унесут шрифтов...

Мельников (колеблясь). — Ну, ступай... (Опять задерживается). Стой, еще минутку... Ребята, выходите с засады, делай перебежку, целясь в них как будто близко подпустить хотим и пулемет так, чтоб видно было!

(В дыру забора с другого конца пролезает Лешка).

Мельников. — Леша! Это же... Хватай патроны, открывай... (Зам).

Мельников (к Лешке). — Ну что ты сник, малец?

Лешка (размазывая слезы). — Василий Егорыч, Соню-то ведь... Соню-то ведь... убили.

(Занавес).

Политчас на лодках

В мохнатых сучьях лозняка
Горит зеленый река.
И свеж и розово багров,
И в меру желтоват
На острых килях катеров
Повис закат.
Спадает зной,
Спадает жар,
От волн — прохладный пар,
Но в пестрых майках палатке
Мы в первый раз сейчас —
Сто комсомольцев — на реке
Проводим политчас.
И шевеля углами плеч,
Стараясь хмурить лоб,
Ведет изволнованную речь
Очкастый агитпроп.
Он говорит: за рубежом,
Как на реке, свежо.
Там свежий ветер Октября
Несет со всех сторон
Огни багровых, как заря,
Трепещущих знамен.
Там полусгнивший дряхлый мир
Скулит перед концом.
Там горло жирное банкир
Прополоскал свином.
Там за дверьми закрытыми
Препращены в нули
Расстрелянные „смиты“

„Тузы“ и „короли“.
Там кризис,
А у нас. У нас
Страна на полный ход
И строящий
Рабочий класс
Растет из года в год
И строя знает, что готов
Свиноец и порохов врагов
И будет бой на верняка,
Но враг не победит.
В мохнатых сучьях лозняка
Река горит,
И голубой суглинок троп
Затянут полумглай,
И загорелый агитпроп
Проводит политбой.
Мы отвечаем; и в пылу
Все разом говорят...
И я кричу,
Что враг в тылу
Переменял парад.
И вид, и путь переменял —
Обреза и огня,
В колхоз пролез и „уходил“
Колхозного коня.
И, может быть, в рядах бригад
Он в штурмовые дни
Кромсает втихомолку, гад,
Тугие шестерни.

И не ручаюсь, если вдруг
Пульсирующим днем
Мой молодой,
Мой грустный друг
Окажется врагом.
Тогда я буду целить в лоб
В морщинки между глаз...
Но вот очкастый агитпроп
Кончат политчас.
Мы до зори,
Весь выходной
Работаем в лугах,
Где воздух пряностью цветной
И клевером пропах.
И, будоража сон и тишь —
Речной полууют,
Я запоеваю, ты звенишь,
И девушки поют.
И Таска рядом, и река,
И вечер на реке,
Ее горячая рука
Лежит в моей руке.
Так в голубом настое тьмы
Плывем в столицу мы.
У затуманенных дворов
Вечерний рев коров.
И мутен, пепельно-багров,
И в меру желтоват —
На острых килях катеров
Потух закат.

Николай Васильев

Отделенного командира Шнейдермана вызвали к начальнику.

— На границу, небось,—сказал Федорчук и задумчиво посмотрел во двор. Фиолетовый вечер заползал в раскрытые окна.

Из кухни неслись пряные запахи.

Внешкольный час продолжался.

По двору бежал дежурный.

— Федорчук,—он кричал на ходу, тяжело сопя и задыхаясь,—собирайся.

— Седлать коня?—спросил Федорчук.

— В пешем строю пройдемся,—иронически возразил дежурный,—смотри, шпоры шпорами, а то зацепишься.

Ребята улыбнулись. Федорчук выбежал.

Начальник стоял у письменного стола в своем кабинете. Тень его застилала пятно Афганистана на кальковой карте.

— Значит, все понятно?

— Понятно, товарищ начальник,—в один голос ответили Шнейдерман и Нетковский.

Микитенко сказал:

— Только что получены сведения, что Абдукарим Кадырова сегодня ночью бежит в Афганистан. Он везет с собой 10 кип мануфактуры—подарок Утан-беку, ближайшему помощнику басмача Ибрагима. Переход границы не должен быть допущен.

— Есть. Переход границы не будет допущен,—ответил помощник начальника Нетковский.

Он только в этом году закончил учебу и недавно прибыл сюда в Таджикистан на афганскую границу.

— Ладно. Ступайте.—Микитенко дружески похлопал по плечу помощника и сел за письменный стол.

В операцию шли Нетковский, Шнейдерман, красноармеец Федорчук и Али-Бобо, переводчик заставы.

(Переводчик заставы не является военнопоборанным. Национал, знающий русский язык и пользующийся политическим доверием, может служить на заставе переводчиком и считается работником по найму, пользующимся только всеми правами красноармейца).

Вел их Нетковский.

Собственно, за ним было командование, а вел их Али-Бобо.

Мимо конюшни они вышли в поле.

Вой собак доносился из кишлака.

По дороге Шнейдерман тихо сказал:

— Он живет в соседнем кишлаке, но приехал сегодня вечером к отцу за мануфактурой.

Темные пятна кибиток тянулись все справа, не отодвигаясь и не приближаясь.

— Он живет поодаль кишлака,—прошептал Нетковскому на ухо переводчик. Дальше шли молча.

Али-Бобо понадобился носовой платок. Он полез за ним в карман.

В правом кармане галифе его не оказалось. В левый. Тоже нет. И тут остро и неожиданно Али-Бобо вспомнил, что вместе с носовым платком в кармане брюк лежала небольшая желтенькая книжка, несколько дней назад полученная им из окружного города Куляб.

От удивления Али-Бобо даже остановился. Он лихорадочно шарил в карманах галифе и гимнастерки, но там не было ни платка, ни книжки.

— Потерял, что делать?—понеслась мысль, и стипуло сердце чем-то холодным и терким.

Фигуры пограничников были далеко впереди. Али-Бобо побежал.

Наконец, догнал.

Шнейдерман оглянулся и сердито посмотрел в его сторону.

Шли молча.

Неожиданно перед ними выросло несколько берданных шатров.

Откормленная оседланная лошадь стояла привязанная к песту. Она повернула голову, тихонышко фыркнула и вновь уткнула голову в мешок с „самапом“.

Они сделали еще несколько шагов и подошли к первому, самому большому шатру. Тихо. Подошли ко второму. Доносились мужской говор. Черный войлок заменил дверь. На одеялах сидело двое молодых и старик. Светильник стоял в углу на выступе стены.

Это они увидели, откинув войлок.

Немощное пламя вздрогнуло и умерло. Щелкнул курок нагана помпача.

Грозно окрикнул Али-Бобо.

Ему ответили миролюбиво, успокоительно и заискивающе.

— Хухурт хаст!—спросил молодой дрожащий голос.

Чиркнула спичка.

Сиреневый огонь блеснул и зажегтел спокойным, ровным пламенем.

Вновь задымил светильник.

Униженно кланяясь, стояли перед вошедшими двое молодых и старик.

Али-Бобо задал вопрос самым обычным тоном.

Таким голосом спрашивают на базаре: „Нон чампуль“?

Но этот вопрос потряс троих.

Они сразу не нашли, что ответить.

Молчание было приговором.

Это понял старик и несколько раз повторил слово „нест“¹.

Али-Бобо выразительно посмотрел на Нетковского.

— Обыскать помещение,—и помощник начальника первый пошел в темный угол шалаша.

Шнейдерман нес за ним светильник.

Тени от изысканного луча его вились по стенам, достигая небывало уродливых размеров.

Тени прыгали, бесновались и, наконец, замерли.

Черная коноть поползла от светильника—горизонтально вверх.

В углу на груди подушек сидела согнувшаяся фигура.

Шнейдерман поднес к ее лицу огонь.

Сморщенное лицо старухи глядело на них. Не вставая, она попятилась назад, к стенке. Тут подошли молодые и старик.

Они горячо и убежденно говорили, страстно вскидывая длинными руками своих халатов.

Они пытались заслонить старуху и ее подушки, но Али-Бобо гневно и резко сказал им по-таджикски:

— Закон ваш, ваш закон, а не наш, запрещает чужим мужчинам прикасаться к женщине. Пусть так. Но мы не собираемся обыскивать ее. Мы хотим посмотреть только на чем она сидела. Но вы вдобавок забыли свой закон. Он не разрешает женщинам находиться в одной половине с мужчинами. Почему эта женщина не у себя?

Тени соединились и черная масса надвинулась. Молодые и старик расступились. Причитая что-то жалобное, слезла с подушек старуха.

Под ними было 10 кип цветистой ману-

фактуры. И опять Али-Бобо что-то доказывали молодые и старик.

— Кто Абдукарим?—спросил он.

— Он,—ответил самый молодой и показав на брата.

— Собирайся с отцом. Ну, собирайся же с отцом.

Возвращались на заставу. Впереди шел Нетковский. За ним—старик и молодой. По бокам Шнейдерман и Федорчук. А сзади Али-Бобо вел лошадь с привязанной к седлу мануфактурой.

И снова думал он о книжке. И снова свободной рукой безнадежно ощупывал карманы гимнастерки и галифе. Ворота заставы открыл дежурный. Али-Бобо узнал Вошину.

— Вот, на... С этим документом нельзя так обращаться, нельзя терять.

Он вытащил из кармана новую маленькую желтую книжку, с обложки которой улыбалось лицо человека. Али-Бобо радостно усмехнулся, бросил поводья, схватил обеими руками книжку и торопливо сказал, как будто в этом необходимо было убедить дежурного.

— Комсомол. Ленин.

— Комсомол,—подтвердил Вошина.

— Старика в дежурку. Сына ко мне. Лошади дать порцию.

Вошина запер ворота и повел лошадь на конюшню.

Абдулая обыскивал Али-Бобо в комнате помпача. Несколько снятых с него халатов лежали на принесенных кипах мануфактуры. Абдулай стоял гордый и невозмутимый. Ни в складках халата, ни в ичигах нигде не нашли ничего. Он молчал, но видно было—вот хочет он кинуть дерзкие слова переводчику:

„Вот, Али, ты обыскиваешь меня, ты унижаешь меня, а на мне нет вины. Я невиновен. Позор тебе, Али-Бобо“,—так, казалось, сказал он сейчас.

Гризноватая шелковая чалма спускалась одним концом на голое плечо.

Али-Бобо стал размывать чалму с тубетейки. Маска лица Абдулая оставалась такой же, только глаза беспокойно дернулись и застыли. На полу длинной, толстой, нажравшейся змеи лежала чалма. Али-Бобо держал в руках небольшой лист бумаги, весь в каракулевой вязи букв. Гордость сошла, исчезла с лица Абдулая. Так вечерами скрывается горячее солнце за Гиссарским хребтом. Пробежав глазами записку, Али-Бобо закричал на своем родном языке грозные но непонятные слова. Али захлебывался от ненависти, хрипящие слова стегали ударами „камчи“ байского оына. И, обернувшись к пограничнику, коверкая русский язык, потрясая в высоко поднятой руке запиской, Али-Бобо кричал им:

— Ты, ты—сын ишака и собаки, как смел ты брать такое письмо? Как смел отец твой, обеззый и наихудший пес из всего кишлака, писать отребью нашего племени—„Огненному вождю“—такие лживые слова? Кто уполномочил вас говорить от имени „камбаголон“? Тут сказано, что беднота жаждет целовать копыта белого коня Утан-бека?.. Не я ли, бедняк, хочу этого? Не Двалат ли Риза, Оди-Каям, Ашуров—батраки—хотят это? Этого хочешь ты, отец твой да бай Мустафа...

Али Бобо замолчал, замолчал переводчик, сделавшийся обвинителем, и от пропавших слов его, опустив низко голову, тяжело дышал Абдулай.

¹ Спички есть?

² Почему лепешки?

³ Нет.

Две смерти

Очерк Вилли Крафт

В Кенигсбергском морге они лежали рядом. Тело одного было пронизано четырьмя пулями, на труне другого была видна зияющая рана от удара кинжалом. Первого должно было вести в крематорий, второго — в церковь для отпевания по христианскому обряду. Уже начали выстраиваться около морга две похоронные процессии. Три метра отделяли одну процессию от другой — три метра расстояния и бездонная пропасть классовой вражды...

Член муниципального совета Кенигсберга коммунист Зауфф жил в рабочем предместье Бонарте. От города это предместье отделяется тихой спокойной рекой, по которой медленно движутся большие барки, и лугами, на которых пасутся коровы и козы. Чистенькие домики с балконами, уставленными цветами, несколько пивных и кафе полудеревенского типа — „идиллическая“ картина германской провинции.

1 августа, рано утром в дверь квартиры Зауффа постучались. — „Кто там?“ — „Товарищи... По партийным делам... Скорее...“ По партийным делам дверь коммуниста Зауффа была открыта днем и ночью. По тягиваясь после сна, Зауфф открыл дверь. Четыре человека бросились на него. Раздались револьверные выстрелы. Стрелявшие скрылись. Зауфф скончался через несколько минут после перенесения его в госпиталь.

Стрелявшие скрылись. Их имена неизвестны, но их партийная принадлежность ни у кого в Кенигсберге не вызывает сомнения. Зауфф был любимцем кенигсбергских рабочих, организатором антифашистского фронта. Его убили те, против кого он звал объединиться всех пролетариев-коммунистов, беспартийных, социал-демократов. Призыв не был тщетным. Участники социал-демократического „железного фронта“ и рейхсбаннеровцы, вопреки увещаниям своих вождей, готовились вместе с рабочими коммунистами к организованному отпору погромщикам из коричневой армии Гитлера. Зауфф был опасен, — гитлеровские бандиты поспешили его „убрать“.

...Ударом кинжала накануне выборов в рейхстаг был убит Рейнке, один из командиров штурмовых отрядов „Наци“. Убит он был на улице в драке, и его фашистские соратники немедленно пустили в ход версию, что убийство было совершено коммунистом. Фашисты вопили о мести.

Но выяснилось иное. Восемь свидетелей под присягой заявили следователю, что Рейнке был убит другим фашистским штурмовиком. Оба „герола“ погромов сцепились между собой из-за денежных расчетов. Рейнке не хотел отдавать своему товарищу мелкой суммы, взятой в долг. Удар кинжалом решил спор.

...К телу Зауффа собирались рабочие с горящими гневом лицами. Много рабочих в платочках. За некоторыми плелись босоногие ребятишки, которых не на кого было оставить дома. Пришло много мелких служащих и мелких буржуа. Убийство всеми уважаемого коммунистического члена Кенигсбергского муниципалитета вызвало в городе всеобщее возмущение. Тем более, что одновременно с Зауффом бан-

С ненавистью смотрели фашисты на тех, которые пришли проститься с телом убитого ими Зауффа. За гробом коммуниста собрались на этот раз не только его партийные товарищи. Среди собравшихся были видны не только знаки серпа и молота, но и нашивки с тремя стрелами (их носят сторонники с.-д. „железного фронта“) и мундиры рейхсбаннера. Тем больше ненависти у фашистов вызывала эта широкая манифестация сочувствия у гроба убитого коммуниста. Можно было ожидать новых нападений со стороны второй процессии, организованной партией фашистских убийц.

В одиннадцать часов утра на мостовой раздался необычайный грохот. Бешеным аллюром подкатили пять грузовиков с вооруженными полицейскими. Каждым грузовиком командовал полицейский офицер. 200 полицейских выстроились в ряд. У каждого был не только полагающийся ему кортик и револьвер, но и карабин. Все насторожились.

Вдруг раздались крики: „Они уносят гробы! Проклятые, нам не дают даже похоронить нашего товарища, павшего от рук фашистов!“ Рабочее население предместья Бонарт, которое чуть не поголовно явилось на похороны Зауффа, было возмущено.

По „шупо“ (полицейские) в своих шинелях и полированных касках были невозмутимы. Они навели на толпу карабины и, положив тело Зауффа на одну колесницу, тело Рейнке — на другую, увезли их: одного — в крематорий, другого — в церковь. Провожаящим не было разрешено двинуться с места. Вместе с полицейскими на грузовиках прибыли и конные полицейские.

Тело Зауффа, любимца кенигсбергских рабочих, было оторвано от тех, кого он звал на борьбу за освобождение пролетариата, на борьбу против фашистских насиликов; забыв о своем подколотом в драке из-за денег Рейнке, штурмовики Гитлера с радостью глядели, как полиция сорвала антифашистскую демонстрацию на похоронах убитого борца пролетариата.

...С тяжелым чувством расходились рабочие Кенигсберга после этих грубо сорванных похорон. Злоба и возмущение читались на лицах. Но безнадежности не было. Ибо пролетариат Германии знает, что час его победы придет. На шестой части мира победа уже одержана.

Штурмовики идут на кровавую охоту

диты Гитлера убили и некоторых других политических деятелей — не коммунистов — только потому, что последние не стеснялись неодобрительно относиться к кровавому фашистскому террору.

...Проводить Рейнке пришли те, которые убили Зауффа. В числе их был наверное и тот „приятель“ Рейнке, который заколол его за неплатеж долга. Всех этих „приятелей“ объединяла лишь дикая ненависть к пролетариату и его коммунистическому авангарду да жажда всякого рода наживы и теплых местечек, которые обещал своим штурмовикам Гитлер в случае победы. Кровь от политических убийств смешивалась на их руках с грязью самой низкопробной уголовщины. Ибо кто же в Германии не знает, что немалый процент штурмовиков вербуются среди всякого рода подонков.

А. Гидаш, А. Фадеев, Матэ Зална, Н. Федин, Марк Колосов, А. Ефремин, Мих. Кольцов, Ст. Щипачев, Эмиль Мадарас, П. Павленко, Ефим Зозуля, Эми Сяо, Б. Левин, Джон Дос Пассос, Андор Габор, Эрих Вейнхарт, Мих. Лучанский, Вс. Иванов, В. Слепцов, Л. Леонов

вышли в библиотеке „Огонек“

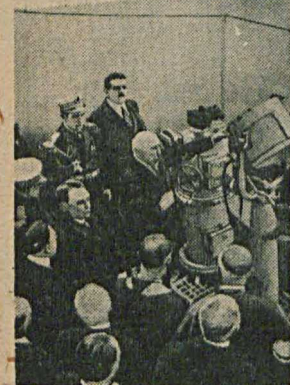
Полицейская цензура в Германии. Борьба с компартией является важнейшей задачей всех руководящих кругов германской буржуазии. Борцы революционного пролетариата подвергаются обыскам и арестам, их десятками убивают из-за угла фашистские бандиты. Коммунистическая печать подвергается постоянным запрещениям. Так с 1 августа — в который раз! — был закрыт

на восьмой день центральный орган германской компартии «Роте Фане». Закрытие этой газеты не могло помешать германской компартии вести свою революционную работу. В газете «Роте Берлин», органе коммунистической фракции берлинского муниципалитета, было помещено воззвание центрального комитета КПГ к рабочим и работницам о борьбе против фашизма за освобождение пролетариата. Газета «Роте Берлин» была конфискована под предлогом, что она выходит взамен запрещенной «Роте Фане». Из других полицейских запретов отменены конфискация № 31 иллюстрированного журнала «АНЦ», хорошо известного советским читателям по своим прежним номерам, в одном из которых были помещены снимки семьи Филиппова в Москве.

На снимке: первая страница газеты «Роте Берлин» с воззванием ЦК КПГ.

Субмарина, которая опасна не только во время войны, но и во время мира. Несколько времени тому назад затонула новая французская подводная лодка «Прометей» со всем своим экипажем из 63 человек. Обстоятельства ее гибели не выяснены, но сторукая молва

обвиняет морское министерство в том, что, руководясь чисто боевыми соображениями, оно выпускает подводные лодки, недостаточно гарантирующие жизнь их экипажа. Эти лодки опасны не только во время войны, но и во время

мира. — пшут французские газеты. Чтобы замазать скандальные разоблачения, французское правительство устраивает пышные похоронные церемонии в честь погибших матросов и офицеров «Прометей».

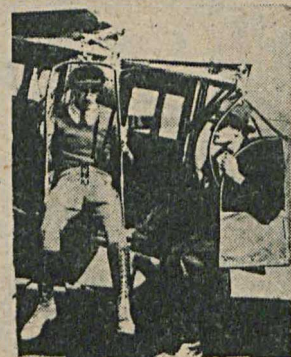
На снимке: морской министр Лейг на борту контрминоносца «Бизон» прославляет «погибших героев французского флота», не упоминая о том, по чьей вине они погибли. Сзади Лейга — Эрро.

В ожидании газовых атак. Пока империалистические дипломаты вникаются в разговоры о разоружении и произносят благочестивые речи о необходимости предотвращения ужасов войны, генеральные штабы усиленно готовятся к будущей войне, усовершенствуя орудия человеко-

пожирения. По общему признанию, наиболее страшным орудием в этой войне является применение газов, угрожающих даже мирному населению городов. В соответствии с этим во всех странах капитализма производится подготовка населения к употреблению противогазовых масок, причем к этому приучают не только людей, но и животных. На снимке: собака и ее надсмотрщик в противогазовых масках.

Автоматический парашют. В Америке изобретено приспособление для охраны жизни

пассажиров линий воздушного сообщения. Когда пилот обнаруживает опасность падения аэроплана, он нажимает специальную кнопку, вследствие чего пассажиры в их кожаных сиденьях автоматически выбрасываются через открывающуюся дверь. Пассажиры остаются сидеть в своих креслах, причем при спуске открываются прикрепленный к креслу парашют, обеспечивающий им спокойное, почти комфортабельное приземление.

На снимке: аэроплан, снабженный новым приспособлением.

Правительственный скандал в Швеции. В начале августа неожиданно подал в отставку премьер-министр Швеции Экман. Поводом к отставке явились разоблачения о связи

главы правительства с известным миллионером-мошенником Изваром Крейгером — недавно покойным с собой. Выяснилось, что Экман получил от Крейгера 50 000 крон на нужды своей партии. Такие же податки Крейгер делал и другим буржуазным партиям. Этими податками в значительной степени объяснялось то содействие, которое правительственные круги Швеции оказывали знаменитому спекулянту.

На снимке: бывший министр-президент Швеции Экман.

Глашатая новых провозроплат. Французская буржуазия делает все возможное, чтобы поднять патристический дух среди населения. Парады, ма-

невры, открытия памятников жертвам войны и т. д. следуют один за другим. В самое последнее время была устроена в высшей степени торжественная церемония на могиле солдата, павшего под фортом Дуамон крепости Верден во время мировой войны. Гибель 400 000 солдат, павших за четыре года войны под стенами этой крепости, используется французскими империалистами для славословия военных доблестей. Независимый «социалист», военный министр Поль Вонкур, произнес на этой церемонии речь, которая сделала ее честь самому шовинистически настроенному генералу.

На снимке: памятник и кладбище под фортом Дуамон.

Война между Боливией и Парагваем. Тянувшийся уже несколько лет конфликт между южно-американскими республиками Боливией и Парагваем из-за принадлежности той или другой стране области Шако привел форму прямого вооруженного столкновения

между обоими государствами. Хотя и Боливия и Парагвай состоят членами Лиги Наций, но никто из них не подумал обратиться к посредничеству этого богоспасаемого учреждения для разрешения своего конфликта. Боливия мобилировала войска и захватила спорную область, которая до того находилась во владении Парагвая. Задним числом державы стараются прекратить вооруженные действия между двумя южно-американскими республиками. За спиной Боливии стоит САСШ, намереваясь использовать нефтяные богатства области Шако; за спиной Парагвая стоит Англия, которая поддерживает с Парагваем оживленные торговые сношения и финансирует его мясную торговлю. Война между Боливией и

Парагваем является, таким образом, отражением англо-американского соперничества в борьбе за мировую гегемонию.

На снимке: Даниэль Саламанко, президент республики Боливии.

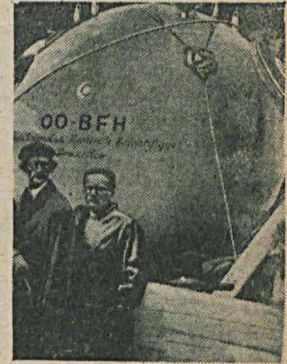
Смерть бывшего австрийского нацидлера. Скончавшийся в августе бывший канцлер Австрийской республики архиепископ Зейпель был одним из крупнейших государственных деятелей австрийской буржуазии. Католический свя-

щенник, он стал во главе так называемой христианско-социалистической партии. Социалистического в этой партии не было ничего, зато христианство ее скрывало в самых реакционных мероприятиях по отношению к рабочим массам Австрии.

Полет в стратосферу. Бельгийский профессор Пикар, поднявшийся уже однажды в стратосферу на аппарате собственной конструкции, совершил в августе полет на усовершенствованном аппарате. Новый аппарат имеет сферическую форму и сделан из алюминия. Аппарат выдерживает давление в несколько атмосфер и может подняться на 15—18 км. Проф. Пикар не ставил себе, однако, задачей

установить новый рекорд высоты, а преследует лишь чисто научную цель по исследованию стратосферы. Аэростат Пикара поднялся в Либендорфе (вблизи Цюриха). 18

августа в 5 час. утра и опустился в тот же день в 5 час. вечера в Италии между городами Верона и Мантуей. Максимальная высота во время полета достигла 16 770 метров. Температура в гондole держалась в среднем на 16 градусах ниже нуля. Пикару удалось произвести все нужные научные измерения.

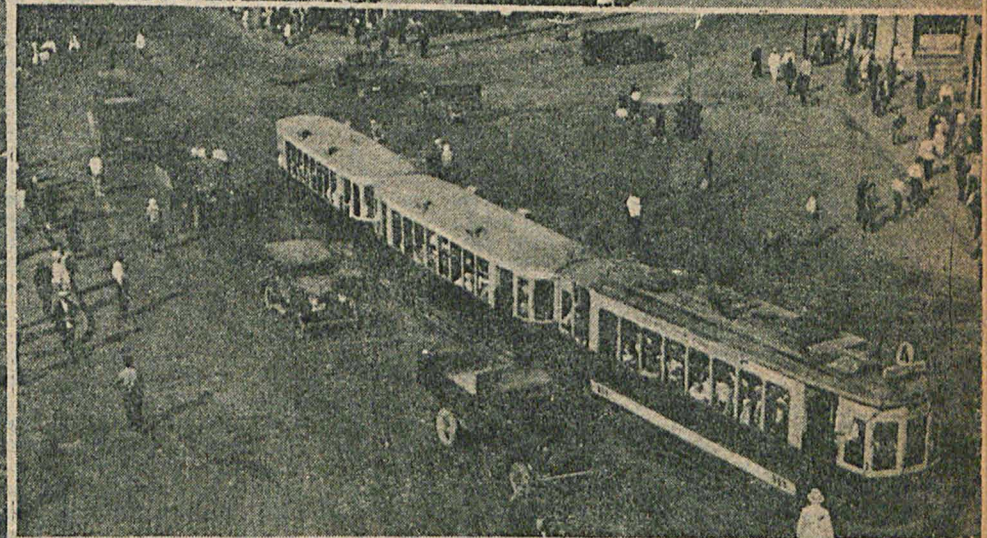
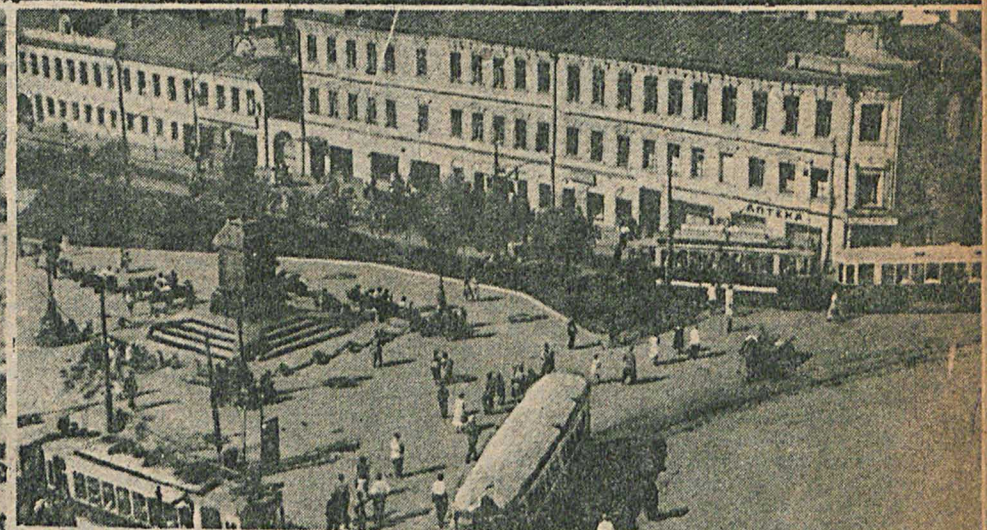
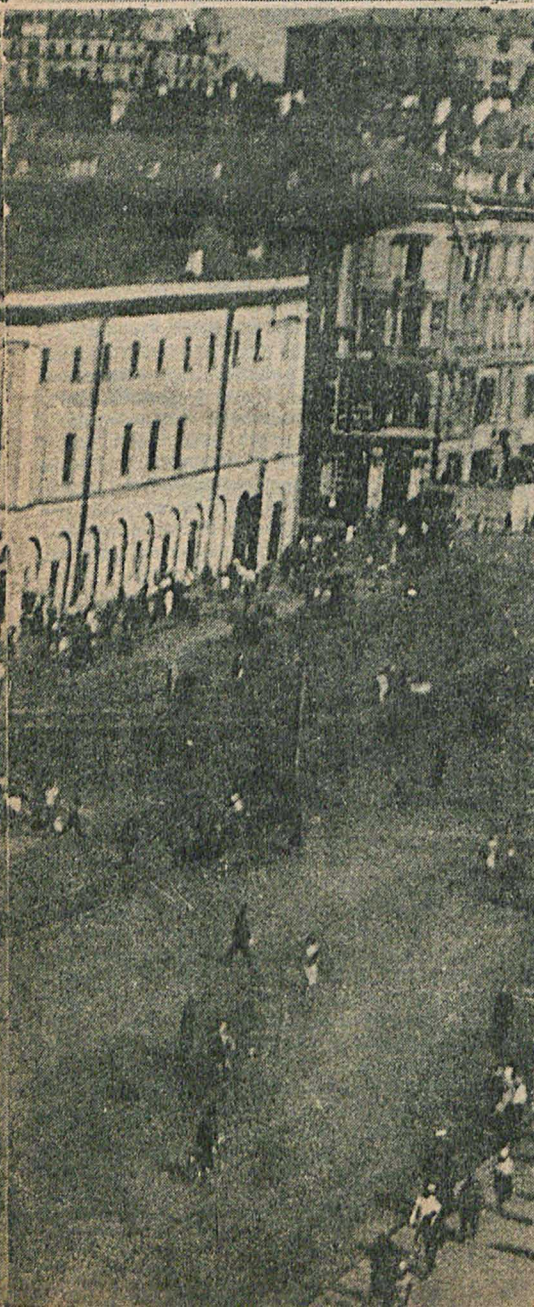
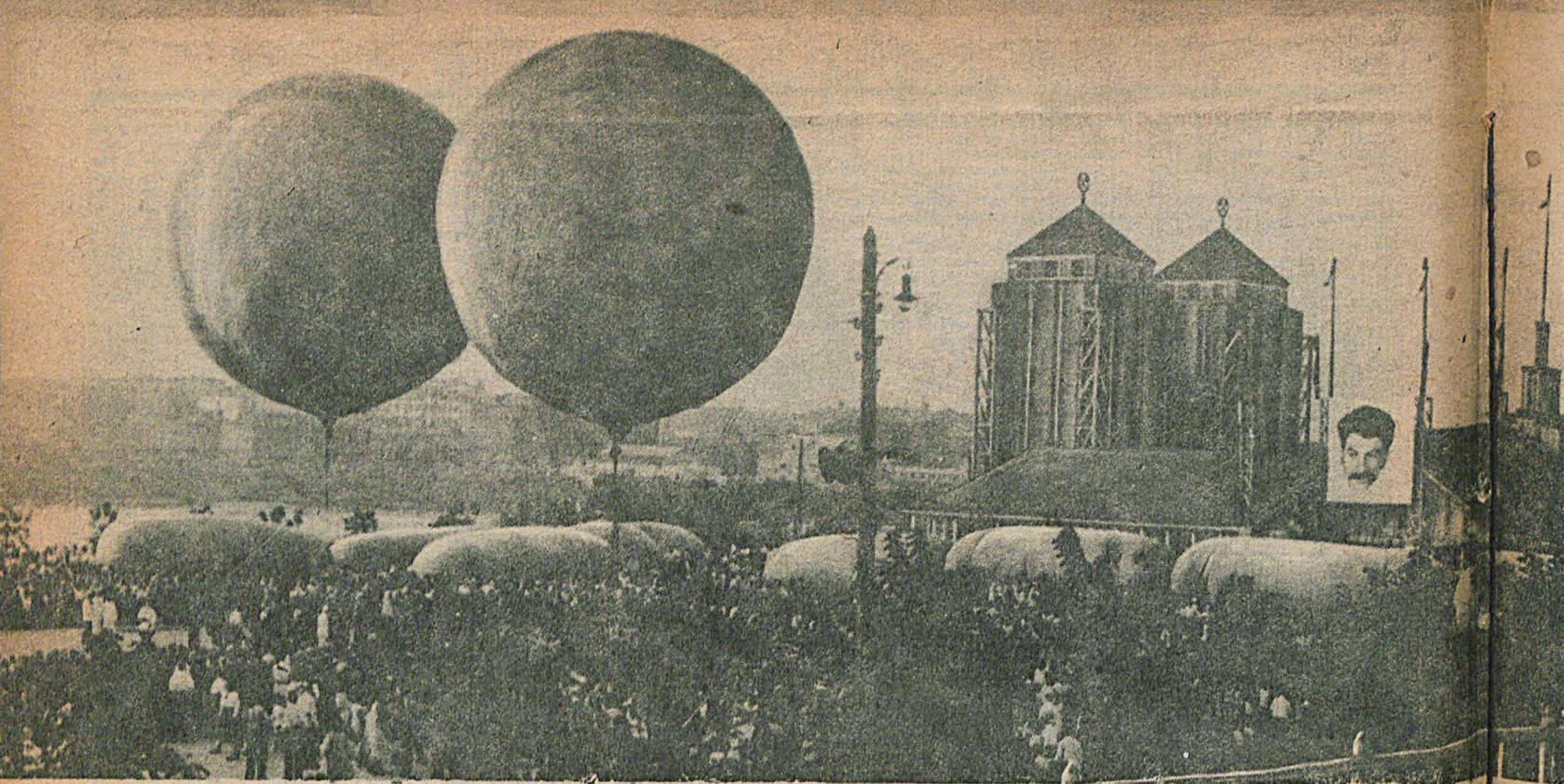
На снимке: проф. Пикар возле своего аппарата.

Физкультурная ярмарка. Недавно закончилась в Лос-Анжелосе (САСШ) международная олимпиада спорта и физкультуры. Как и все буржуазные спортивные состязания, олимпиада в Лос-Анжелосе была своего рода ярмаркой, на которой конкурировали не столько сами атлеты, сколько фирмы, снабжающие их спор-

тивными принадлежностями и костюмами. Вместе с тем олимпиада носила и резко выраженный характер национального соперничества, так как почти все правительства считали долгом чести отправить в Лос-Анжелос команду, которая с честью, поддерживала бы национальный флаг. Наибольшее количество побед досталось на долю САСШ, которые выставили наиболее многочисленную команду во всех областях спорта. В плавании большинство побед досталось японцам. Обратила на себя внимание победа пятнадцатилетнего японского подростка Минаэки в состязании на плавание на сто метров вольным стилем.

На снимке: пятнадцатилетний победитель.

МОСКВА—СОВЕТСКАЯ СТОЛИЦА

Коконы—канареечные, небесно-голубые, оранжевые и фиолетово-зеленые—обесцвечиваются в кипятке.

Оболочки дирижаблей, пороховые cartridges—мешки для пороха, сгорающие без остатка, хирургические нитки, чтоб шить раны, прозрачные сети для океанского лова, красные и белые лёски, электроизоляция, струны, мельничные сита, тетива в точно-измерительном приборе,—это шелк.

Шелк теперь не только ткань, но и технический материал. А в царской России, кроме одежды привилегированным классам, из шелка изготовляли... что? Парчу и газет—ткань с шелковой основой и мишурным золотым и серебряным утком. Для чего?—«Последние две ткани,—гласит энциклопедия Брокгауза,—служат исключительно потребностям православного богослужения»...

Династия Романовых покровительствовала шелководству, Михаил Федорович посадил тутовые деревья под Москвой. Петр воспретил порубку шелковниц в Астраханской губернии под страхом смертной казни. Павел I учредил казенные шелкомотальни.

И все же довоенный маститый автор должен был признать «неестественно слабое развитие шелководства в нашем отечестве». Та же энциклопедия Брокгауза безапелляционно разъясняла: «Шелководство, т. е. выкормка шелковичных червей с целью получения коконов,—достояние мелкого домашнего занятия, могущего дать подсобный заработок сельскому населению. В крупных размерах культура шелковичных червей по невыгодности не практикуется». Таково было фактическое положение, возведенное буржуазной теорией в абсолют. И... «развитие шелководства в России шло слабо».

Экономисты капиталистических стран до сих пор утверждают, будто биология шелковичного червя обрекает шелководство на участь карликового, подсобного сельскохозяйственного промысла. Япония перед кризисом экспортировала на миллиард рублей шелка-сырца и изделий, захватив четыре пятых мировой торговли шелком. Но в Японии ежегодно из-за перепроизводства гибнет три четверти всей грены.

Лабораторные попытки японских ученых механизировать шелководство считаются необоснованными экономически. А сами исследователи далеко не стремятся вывести за пределы «страны восходящего солнца» результаты своих работ: они печатают их, вопреки обычаю, без резюме на европейских языках. В этом капиталистическом секретничестве, впрочем, нет ничего специфически японского. Если в Китае когда-то за выдачу «тайны» шелководства и продажу грены иностранцам казнили, то ведь и текстильную монополию капиталистической Великобритании охранял в XIX веке,—спачала—закон, под страхом смертной казни запрещающий вывоз за границу английских текстильных машин.

В СССР социалистическая реконструкция сельского хозяйства ведет к революции и в науке шелководства и в его тысячелетней практике. Шелководство—подсобное занятие, которым «в перемену» между весенним и осенним хозяйственным уроком заняты женщины и дети,—червеководение в крестьянском доме—каменном и Закавказьи, бамбуковом с передвижны-

ми бумажными перегородками в Японии—сменяются в СССР специализированным, крупным, механизированным, общественным шелководческим хозяйством. Это революция открывает нам возможность в пятилетие совершить путь, пройденный Японией за три четверти века.

Валовой сбор коконов в СССР увеличился больше чем вдвое по сравнению с довоенным. Шелкомотальная и гренажная промышленность нами заново созданы. Но шелководство Закавказья (исторически оно старше европейского) еще отстает от своего довоенного уровня. 1931 год был здесь годом прорыва.

Постановлением от 31/X 1931 года ЦК ВКП (б) «обязывает все партийные организации Закавказья уделить особое внимание вопросам тутоводства и делу строительства шелководческих совхозов а также внедрению шелководства в колхозах».

Яркопечатные коробки с греной—сухой «икрой» шелковичного червя—во всех странах похожи на папиросные коробки. В Закавказьи главная порода шелкомотальных червей—багдадская.

«Производительная мощность» крестьянского хозяйства за шестинедельный сезон выкормки—раз в году одна коробка грены. Возможная производственная мощность шелководческого совхоза—тысяча коробок грены.

Институт шелководства в Тифлисе с успехом работает над новыми техническими методами, которые, на основе создания специализированных совхозов и колхозов, должны обеспечить социалистическую реконструкцию шелководства. Эти методы—*конвейер*—механизация червекармливания на механизированной же тутоводческой базе и переход на *непрерывное* черведовство в течение всего сельскохозяйственного года.

Грену зимой сохраняют на льду, а весной оживляют в инкубаторе. Шелковичный червь, когда он мохнатым выходит из грены, очень мал. Червь четыре раза засыпает и четырежды линяет—сбрасывает кожу. Период между каждым двумя линьками называется возрастом червя. Кормясь тутовым листом, удлинившись за пять возрастов в 33 раза, зрелый и уже полупрозрачный червь начинает завивку кокона.

Теперь, вместо короткого сезона, когда вся гrena оживает сразу весной и все черви одновременно развиваются и вместе кончают завивку коконов (после чего возможна лишь повторная выкормка), у нас вводится непрерывное оживление и выкормка червей. Впервые строятся специальные черведовни. Гrena при непрерывке оживляется партиями ежедневно и на конвейере черведовни каждый день—черви всех возрастов. Каждые сутки подросшие за день черви механически переводятся на следующее, большей плоскости, звено конвейера. Таких звеньев—на каждом из них для червей настилаются тутовые листья—тридцать шесть.

В результате повышения производительности труда на основе механизации *несколько раз* и непрерывки—крупное хозяйство с капиталовложениями на строительство специальных черведовен оказывается эффективным.

Шелководческие совхозы (тутовые плантации уже есть, черведовни строятся в этом году) созданы в Закавказьи. В колхозах организуется коллективнобригадное шелководство, по типу товарных ферм. Специализированные, всецело шелковод-

ские колхозы будут строиться с начала второй пятилетки.

Но реконструкция шелководства имеет еще одну основу.

Гитары, ягодная водка и глистогонное лекарство—вот что до сих пор производили местные жители из древесины, плодов и корней тутового дерева шелкомотальни.

Но из луба ежегодно срезаемых тутовых ветвей можно получить котонин—новый хлопок. Тутовые плантации, давая листья для кормления шелкомотальных червей, сверх того превращаются, сами по себе, в сырьевую базу для текстильной промышленности. В разрешении этой задачи велика заслуга Тифлисского института шелководства (работы проф. Цкитишвили).

Схема шелководческого комбината второй пятилетки включает не только тутовую плантацию в несколько сот га, механизированные черведовни—по одной на каждые сто га тута—и шелкомотальни, но наряду с ними также декоративный пункт и завод для производства котонина—волока из тутового луба.

Вместо высокоствольной культуры тута, у нас будет насаждаться, как в Японии, кустиковый тут. Такие плантации доступны для механизации и дадут повышенный выход тутового листа. Возможность резкого увеличения урожайности тута,—что означает огромное удешевление шелка,—доказана. Во второй пятилетке Закавказье намечает заложить до 70 тыс. га новых тутовых плантаций.

В итоге этой многосторонней революции в шелководстве и открытия «вечного шелка», т. е. возможности регенерировать старый шелк, растворить его вместе с шелковыми отходами и из жидкого шелка получать новую шелковую нить (а капитализм искусственно затирает «вечный шелк») перед нами открывается возможность удешевить шелк раз в двадцать пять—тридцать, превратить шелк—недавно предмет роскоши—в предмет широкого потребления. В таких масштабах уже подешевел хлопок в результате капиталистической промышленной революции за последние полтора века. Период социализма переключает темпы на еще высшую скорость. Непропорциональная же дороговизна шелка по отношению к хлопку—не абсолют.

Времена меняются. В классическом Риме шелковый пурпур был драгоценным. Ничтожный относительно ввоз его оценивался поэтому в сто миллионов сестерций (8 млн. руб). Императора Калигулу, «прославленного» тем, что он назначил сенатором своего любимого коня, народ за расточительность презрительно прозвал «ошелкованным». Но несколькими веками позже другой император—китайский—получил в дар.. хлопчатобумажное платье, которое ценилось необычайно высоко, потому что в то время в Китае обычнее и дешевле была одежда из шелка. В Японии наших дней (где сравнительная дешевизна шелка до сих пор обусловлена, конечно, лишь предельной эксплуатацией крестьян) шелковая одежда,—по прочности переходящая от отца к сыну, а иногда и к внуку,—не считается роскошью.

Лозунг *шелк—театре* у нас уже осуществляется.

Социалистическая реконструкция шелководства во второй пятилетке выдвигает новую цель: *шелк—массам*.

Солдаты Гувера в полном вооружении и в противогазовых масках разрушают бараки ветеранов войны

Нет никакого выхода

Генри Стори

„Страна равенства“

Балтимора хвастается своей терпимостью: для нее все граждане равны. Некого человека обвинили в убийстве. Никто не верит в его виновность. Нет никаких доказательств его вины. Но этот человек, попавший в сети капиталистического правосудия, — негр и рабочий. Суд приговорил его к смерти, его ждет электрический стул. МОПР идет к нему на помощь, апеллировав в высшую инстанцию. Юридический представитель МОПР'a обратился с рядом вопросов к судье, председательствовавшему на процессе. Судья говорит, что он вот уже двадцать лет занимает должность судьи в Балтиморе и за все это время в составе присяжных ни разу не было ни одного негра. Чем же это объяснить? Случайностью, — поясняет судья. В судебном зале все улыбаются: никто не верит. Но „случайности“ капиталистического правосудия идут своим чередом.

„Страна свободы“

Колумбийский университет в Нью-Йорке — великий „свободомыслящий“ университет. При нем студенческая столовая. Продукты, закупленные по высоким ценам, самого плохого качества. Эконом достает их у одного „доброего приятеля“, причастного к „делу“. Официантами служат сами студенты — студенты-рабочие. Их труд оплачивается нищенски, рабочие часы долги, эконом держит официантов в постоянном страхе. нередко увольняя без всякого повода. У студентов есть своя газета, в которой обсуждаются различные студенческие дела. Редактор газеты — студент — изучает условия работы в столовой. Он пишет о них, требует обследования. Вместо ответа, к нему приходит повестка от декана факультета: „Вы исключены из университета“.

„Страна прогресса“

Район „черных“, район хлопка. Плантации тянутся на многие мили, — работа на многие дни. Палищее солнце, зеленые поля, белые коробочки хлопка, — сыны рабов собирают их, белые джентльмены получают барыши. Кто-то изобрел механический собиратель хлопка, — остроумнейшую машину. Товко, сильно умные стальные пальцы сры-

вают маленькие коробочки хлопка, бросают их в корзину. Могучие стальные ноги делают шаг вперед. Опять пальцы срывают коробочки хлопка, но... но механический хлопкосбиратель дальше не шагает. Это всего только модель в Бюро патентов. Его нет в продаже, нет в полях. „Черные“ стоят гораздо дешевле, их ничего не стоит заменить новыми, когда они портятся, ломаются или изнашиваются. Капиталистическая Америка не пуждается в механическом хлопкосбирателе, капиталистическая Америка вовсе не пуждается в прогрессе.

„Страна удачи“

Нью-Йорк не числится официально столицей Соединенных Штатов. Но он больше, чем Вашингтон, представляет собой средоточие мощи и культурный центр Сев. Америки. Его сердце — остров Манхэттен, где находится Уолл-стрит, улица биржи.

Возле Четырнадцатой улицы, за доками, тянется на полкилометра площадь необработанной земли. Здесь в течение прошлого года вырос новый город, город париев. Тысячи рабочих, выброшенных на улицу попавшими в тиски кризиса хозяевами капиталистической Америки, соорудили своими руками на этом пустовавшем участке крохотные лачужки из старых ящиков, металлических обрезков, обрывков веревки. В летнюю жару и в зимний холод они ютятся в этих жалких конурах. Они питаются обедками, которые удается выпросить или подобрать в кучах отбросов. Они курят только окурки, подобранные в канавах. Одежда их — лохмотья нищих.

Они сидят так без работы день за днем, — из тысячи их вырастает две, из двух — три, — белые и черные, старые и молодые, мужчины и женщины, местные уроженцы и пришельцы издалика, — все из одной рабочей семьи. Капиталистическая Америка не дает им никакого выхода. Они уже больше не верят в возможность „одинаковую для всех“ стать президентом или „по крайней мере“ миллионером.

„Богатые тоже страдают“

„Я — председатель корпорации. На фабрике работают пять тысяч рабочих. Благо-

даря тяжелому кризису я урезал их жалование на 15%, удлинил рабочие часы, повысил норму выработки. Мне неприятно было поступать таким образом, но „дело прежде всего“. От этого кризиса все одинаково страдают. Обыкновенно я состоял членом в двух клубах гольфа, теперь я вынужден ограничиться одним. Я продал один из моих автомобилей. Мне приходится отказывать моей жене в летней поездке в Европу. Это ее расстроит, она будет упрекать меня. Но что могу я сделать? Мои доходы несколько поубавились, это все наделал кризис. Что ж, все должны нести это тяжелое бремя. Богатые тоже страдают“.

Один из многих

Полночь. Трамвай выбирается из района ярких огней, оставляет за собой улицы с великолепными магазинами и театрами. Он несется вниз, далеко в холодные молчаливые улицы, которые никогда не убьются, куда никогда не заглядывает солнце — улицы рабочих. Я стою на передней площадке позади вагоновожатого.

— Холодная ночь, — говорю я.

— Да, — отвечает он, — а дома-то у меня не особенно тепло.

— Плохая погода для рабочих, — продолжаю я.

— Да, — говорит вагоновожатый, — я-то еще хоть работаю, а ведь миллионы сидят без работы.

В течение нескольких минут мы молчим. Я собираюсь сходить. Вдруг вагоновожатый обращивается ко мне.

— Хотите знать мое мнение? — спрашивает он. „Еще шесть месяцев в таком духе и большевики смело могут забирать эту проклятую страну“.

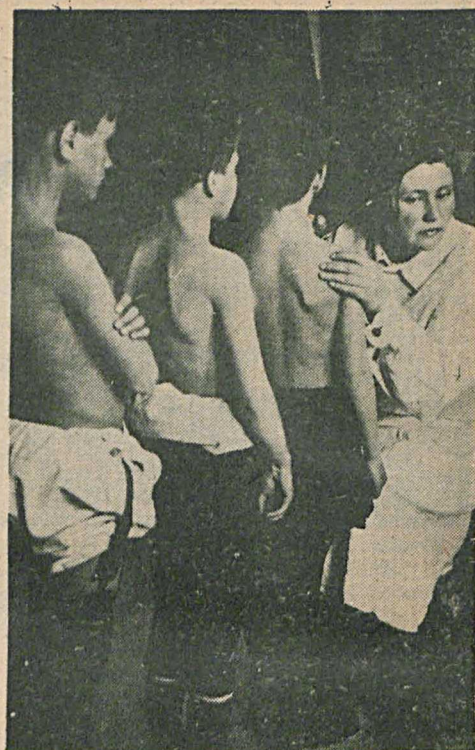
Это не государственный деятель, не революционный стратег, — это только вагоновожатый. Он измеряет общественное развитие механически, по календарю. В его лице говорит голос многих, голос масс. Америка — „страна свободы, равенства, изобилия, прогресса и удачи“ — Америка также втягивается в поток революционного движения рабочего класса.

Перевела Н. Дестлерова.

Постановление ЦК в действии. При Бакинском доме-коммуне № 2 пионеры организовали крольчатник

Фот. Глазкова

Начало нового учебного года. Районный врач осматривает ребят перед началом учебных занятий

Фот. М. Горюхова.

Улучшаем агротехнику. Ливенская опытная станция масличных культур (ЦХО) провела опыт ширококядного ленточного посева проса. Это дало всходы высотой в 98 сантиметров. На снимке: старший агроном станции тов. Деменко и ударник тов. Нестеров измеряют всходы проса

Фот. В. Лисицына

На колхозных базарах. Направо-колхозный базар в нефтяном Ленинском районе (Азербайджан). (Фот. А. Глазкова). Направо — Морчуговский колхоз Воскресенского района отправляет молочные продукты на колхозный рынок (Фот. И. Васильева)

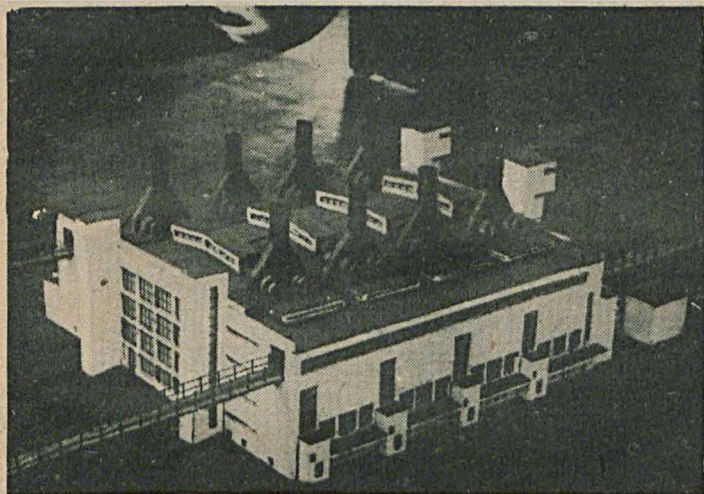
И осенне-зимним перевозкам. В связи с постановлением ЦК ВКП(б) о техпропаганде на транспорте в Москве в Сокольническом парке культуры и отдыха была организована массовка, посвященная смотру боевой готовности транспорта к осенне-зимним перевозкам. На снимке: группа инженеров и руководителей НКПС обсуждает на массовке вопросы по отраслевой связи и тягового хозяйства

Фот. С. Матвеева

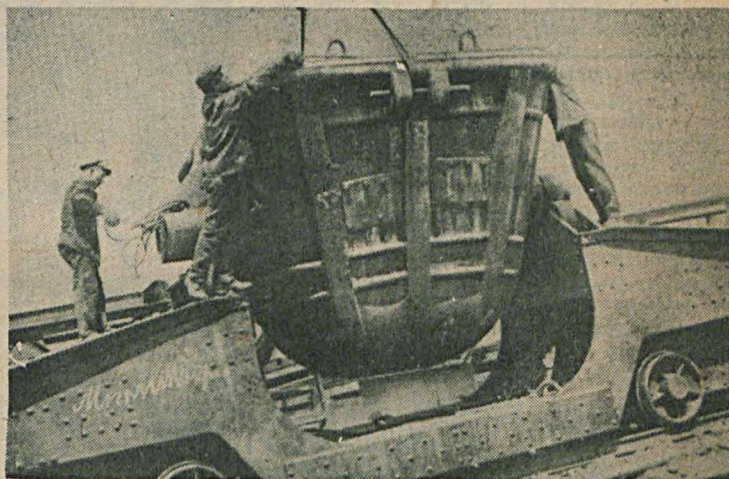

Автодоревцы на помощь уборке хлопка. Бакинский Автотор устроил автопробег по хлопковым колхозам Азербайджана с целью помочь колхозам в подготовке хлопкоуборочной кампании

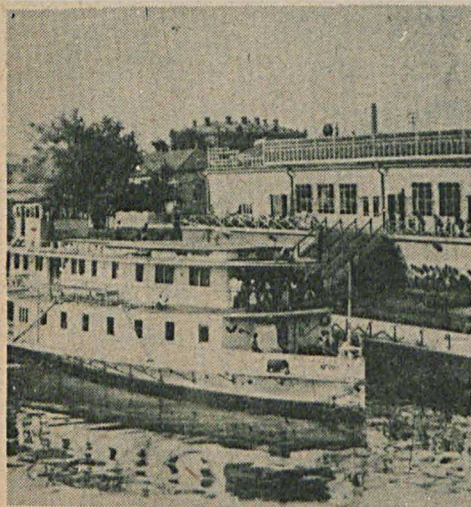
Фот. А. Глазкова

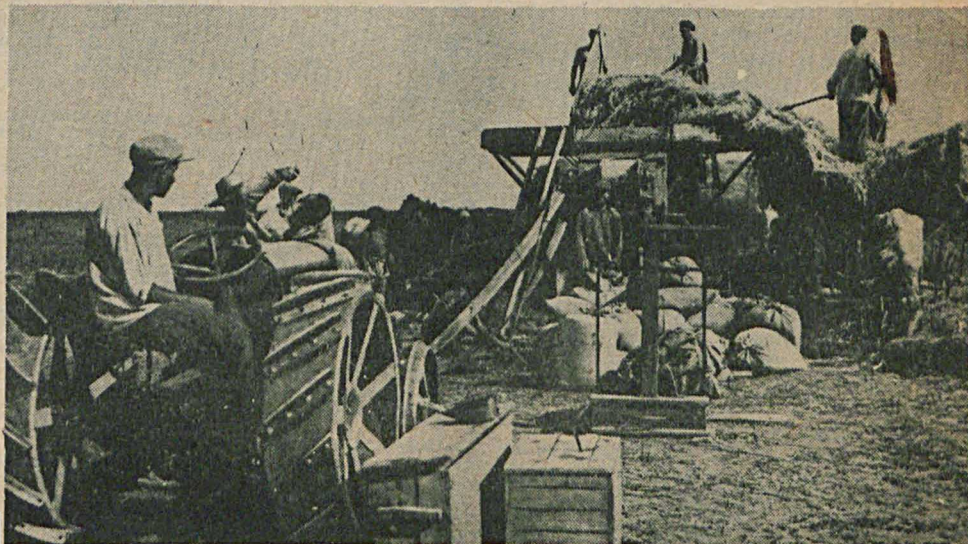
На энергетической выставке. В Ленинграде в здании Энергетического института имени Кржижановского недавно состоялась первая областная энергетическая выставка. На снимке: макет Невдубострой

Соревнование домен. Керченские доменщики вызвали на конкурс магнитогорцев. Один из пунктов соревнования — налаживание ковшевого хозяйства домны. На снимке: ремонт шлакового ковша на Магнитогорском металлургическом заводе

Новые пароходы на Москве-реке. Недавно по Москва-реке начали курсировать 10 новых пароходов. Пароходы обслуживают линию Москва—Нижний Новгород

колхозах Северного Кавказа. Молотья овинной ржи в колхозе «Коминтерн», Таганрогского района

Фот. Н. Викен

ДЕСЯТЬ ЛЕТ „МОЛОДОЙ ГВАРДИИ“

Фот. С. Шнягарова

Журнал „Молодая гвардия“ начал выходить в 1922 году. „Мы хотим стать органом революционного воспитания, идейно-политического вооружения молодых отрядов рабочего класса“. Наш журнал должен помочь молодому рабочему осознать все совершающиеся вокруг него явления, понять возложенные на него ходом истории задачи и для того, чтобы быть готовым выполнить эти задачи,—овладеть знанием, всеми культурными достижениями человечества,—читаем мы в передовой первого номера „Молодой гвардии“.

Молодой журнал встретил горячую поддержку партии. В журнале печатались речи и статьи т.т. Ленина, Сталина, Кагановича, Молотова, Калинина, Крупской. В каждом номере, в каждой странице видна забота и внимание старой гвардии о подрастающем поколении пролетариата. Со страниц молодежного журнала руководители большевистской партии говорили с многотысячной юношеской аудиторией, ставили перед ней острейшие вопросы современности.

С первых же дней своего существования журнал активно боролся за политику партии в области культуры, с чуждыми влияниями и вылазками классовых врагов на идеологическом фронте. Противники ленинской теории культуры и культурной революции—богдановщина, троцкизм, правооппортунистическая шkolка Бухарина, воровщина, переверзевщина, „Литфронт“ получали со страниц журнала большевистский отпор.

На журнал „Молодая гвардия“ возложена почетнейшая и ответственнейшая задача воспитания молодежи в духе марксизма и ленинизма, задача выковывания из молодых большевиков беззаветных бойцов за дело рабочего класса, стойких проводников генеральной линии партии, передовых ударников социалистического строительства, сознательных и активных строителей бесклассового социалистического общества.

Осуществляя задачи ленинской культурной революции, журнал выдвинул и выдвигает из рядов комсомола и трудящейся молодежи кадры пролетарской интеллигенции, работников науки, критиков-марксистов, художников и очеркистов, драматургов социалистической стройки. Журнал объединил вокруг себя и воспитал ряд пролетарских писателей, писателей комсомола. В нем впервые печатались Безыменский, Артем Веселый, В. Герасимова, М. Голодный, А. Жаров, С. Кирсанов, М. Колосов, В. Киршон, М. Светлов, А. Сурков.

Торжественное заседание, посвященное десятилетию „Молодой гвардии“. Слева—отв. редактор „Молодой гвардии“ т. А. Караваева делает доклад; справа наверху—президиум собрания, в президиуме (слева направо): т.т. А. Караваева, В. Кирпотин, В. Сидоров, М. Колосов, С. Салтанов, С. Андреев, П. Горшенев; внизу—участники торжественного заседания

И. Асеев, Э. Багрицкий, А. Караваева, Г. Киш, Б. Галин, участвовали в журнале.

Творчество рабочих ударников также нашло в нем свое отражение. „Молодая гвардия“ впервые напечатала стихи и рассказы молодых ударников—Г. Грина, С. Марголис, Л. Шипилина, Ю. Черкасского, Н. Островского, В. Сидорова и др.

Приветствуя журнал по поводу десятилетия, т. Постышев пишет:

„Ити в ногу с культурно-политическим ростом комсомола, с ростом нашей молодежи—вот ваша задача, товарищи. Художественная литература—могучее воспитательное средство для воспитания из нашей молодежи сознательных строителей бесклассового общества.“

„Молодая гвардия“ должна научиться

вылавливать все лучшее, талантливое, быстро растущее в многомиллионной массе молодежи и стать ареной их культурного роста и творческого развития. Надо ставить острые вопросы, волнующие молодежь, и показывать наш большевистский путь разрешения этих вопросов“

10 августа „Молодая гвардия“ торжественно праздновала свой юбилей. С докладом о 10-летней работе журнала выступила ответственный редактор т. А. Караваева, охарактеризовавшая подробно работу журнала за все время его существования. От Оргкомитета ВССП выступил т. Кирпотин. Вечер закончился чтением новых произведений поэтами: С. Кирсановым, Д. Алтаузенем, А. Сурковым, И. Молчановым, М. Голодным, В. Сидоровым, Г. Барановым и Я. Смеляковым.

ЗАПАД БЕЗ МАСОК

Намеря пытон в Америке. "Цепь на шею у него недостаточно натянута. Он еще может пить". Так сказал смотритель Сэнбимской (в штате Флорида) тюрьмы надзирателю при "потогонной камере". Смотритель ошибся: цепь была натянута достаточно туго: на другой день человек в железном ошейнике, 22-летний юноша Артур Мейлфорт, был найден мертвым от удушения. Конечно, тюремщики объявили, что юноша покончил с собой. Но в виде исключения судебный следователь Гаск, назначенный для расследования этого "само-

степени истощения, присужден в течение двух суток носить на себе 45-фунтовый боченок, одет в колодки, которые натрапили ему лодыжки ног до крови, брошен в "потогонную камеру" и прикован к потолку... Через некоторое время он лишился сознания, и тогда цепь удушила его... Я глубоко убежден, что он был замучен до смерти". Так писал в своем доведении следователь.

"Потогонная камера" была введена во Флоридских тюрьмах в 1925 году вместо сечения заключенных. Интересно, что сечение было отменено по аналогичному поводу — в 1925 году заключенный Мартин Таберт был засечен до смерти. Потребовалась смерть другого заключенного, чтобы местная американская печать подняла голос против тех утонченных пыток, которым в течение 7 лет подвергались заключенные тюрем Флориды, вместо сечения".

На снимке: следователь Гаск в потогонной камере.

ский префект полиции, впрочем, утешает себя тем, что часть этих убийств совершается "на романтической почве" и не свидетельствует о росте преступности. Что касается политических убийств, то, по уверению префекта, виновниками и значительном проценте являются иностранцы. К убийствам этим префект относится добродушно, ибо не только виновниками, но и жертвами являются тоже иностранцы. Есть лишь одно

1929 году до 1276 — в 1930 году и 1576 — в 1931 году

На снимке: карикатура на парижского префекта полиции Кьяппа, известного покровителя Горгулово и горгуловщины.

"Хлеба и школы". Мировой кризис не только является источником величайших материальных лишений миллионов трудящихся во всем мире, но и лишает их даже тех культурных благ, которые преподносил им до последнего времени капитализм. Дефицит государственных и муниципальных бюджетов приводит к режиму экономии главным образом в области социально-культурных расходов. В наиболее резкой форме это явление наблюдается в "богатой" Америке. В штате Нью-Йорк школьный бюджет в 1932 году сокращен на 1 800 000 долларов, причем полностью

убийства", не удовлетворился казенным объяснением. Путем опроса заключенных ему удалось выяснить страшную картину пыток, которым подвергся несчастный юноша. "Он был избит, доведен до последней

Лондон и Париж соперничают с Чикаго по росту преступлений. Стокгольмская газета "Дагенс нихтер" опубликовала ряд интервью с начальниками полиции главнейших городов Европы по вопросу о росте преступности в этих городах. Оказывается, что в результате кризиса Лондон начинает догонять Чикаго по количеству преступлений. В течение одного марта этого года в Лондоне было произведено 27 ограблений магазинов среди белого дня. Число ночных краж со взломом увеличилось с 8 000 в 1918 году и 3 900 — в 1924 году до 9 000 — в год эпохи кризиса. Почти половина преступлений совершена молодыми людьми в возрасте до 25 лет — в большинстве это безработные, которым кризис закрыл дорогу к какой-либо профессии.

Впрочем, по числу убийств Лондон отстывает на задний план перед Парижем. Так, в 1931 году во всей Англии было совершено 109 убийств, в то время как в одном Париже убивают в год в среднем 100 человек. Париж-

исключение — убийство Думера, но и о нем префект предпочел — по понятным причинам — не распространяться.

Как и в Англии, кризис во Франции привел к значительному росту преступности. Так, число ограблений увеличилось с 5 697 в 1929 году до 6 689 в 1931 году. Число похищений автомобилей увеличилось с 784 в

прекращен всякий ремонт школьных помещений. В Чикаго учителя не получали жалованья в течение ряда месяцев, и в конце концов муниципалитет закрыл все школы. В Массачусетсе впервые с 1907 года в этом году не функционировали летние школы. Ряд школ закрыт и в штате Форда — Детройте. А закрытие школ означает для детей и лишение школьных завтраков, являвшихся большим подспорьем "питанием". Немудрено, что голодные дети в Детройте организовали демонстрацию под лозунгом "хлеба и школы".

Строительство союзных республик

Налево — постройка новой гостиницы "Гигант" на площади Шаумяна в Эривани (фот. Даниэляна); направо — водолазные работы по устройству 64 причала мощного холодильного комбината, во Владивостоке (фот. Семенконова)

Редактор МИХ. КОЛЬЦОВ.

Адрес редакции: Москва, Страстной бульвар, 11.

Издатель — Журнально-газетное объединение

Уп. Главлита В-33670 Изд. № 1605. Выпускал и корректировал А. Оголевец. Колич. наб. зн. в кажд. бум. л. 165.000. Сдано в набор 15/VIII. Подписано к печати 26/VIII. Зак. 1052. Офсет-печать тип. Журнально-газетного объединения ("Огонек"), Москва, Сretenка, Последняя пер., 26. Тир. 200.000. Стат. формат А₄ 210×297. Колич. бум. листов — 1,25.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА: на журнал "Огонек": год — 4 руб. 20 коп., 6 мес. — 2 руб. 10 коп., 3 мес. — 1 р. 05 коп., 1 мес. — 35 коп. Подписка принимается только почтой.

ЧИТАЙТЕ популярный научно-технический журнал

ХОЧУ ВСЕ ЗНАТЬ

Основная цель журнала — ознакомить широко не следи необученных рабочих с общими задачами технической реконструкции СССР, с основными типами машин и аппаратов, с основными технологическими процессами, с выдающимися достижениями науки и техники у нас и за границей.

В ряде очерков журнал познакомит читателя с наиболее крупными социалистическими стройками и с естественными богатствами нашего Союза.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПРИЕМ ПОДПИСКИ С ТЕКУЩЕГО МЕСЯЦА

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА: 12 мес.—6 руб., 6 мес.—3 руб., 3 мес.—1 руб. 50 коп.

Подписку сдавайте местной почте не позже установленного ею срока.

Журнально-газетное объединение

ВСЕУКРАИНСКИЙ ИНСТИТУТ ЭНДО-
КРИНОЛОГИИ И ОРГАНО-ТЕРАПИИ
НАРКОМЗДРАВ УССР и ХАРЬКОВ. МЕДИЦИНСКОГО ОБ-ВА

СПЕРМОЛЬ ДЛЯ УЛУЧШЕНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СЕРДЦА

при общей слабости, ослабленной нервной системе и как общее тонизирующее средство применяется
СПЕРМОЛЬ
(вытяжка из семенных желез)

МИОЛЬ ПРИ ГРУДНОЙ ЖАБЕ (СЕРДЕЧНОЙ АСТМЕ) ПРИ ПЕРЕМЕЖАЮЩЕЙСЯ ХРОМОТЕ ПРИМЕНЯЕТСЯ **МИОЛЬ** (мышечный экстракт)

ФИТО-ФЕРРИН ПРИ ОСТРОМ МАЛОКРОВИИ БЕЛОКРОВИИ И АНЕМИИ ПРИМЕНЯЕТСЯ **ФИТО-ФЕРРИН** (фитин с железом)

ФОСФРЕН ПРИ УПАДКЕ УМСТВЕННЫХ И ФИЗИЧЕСКИХ СИЛ ПРИМЕНЯЕТСЯ **ФОСФРЕН** (фосфор для мозга)

при отсутствии на местах высылается почтой Главным складом института по получении заказка не менее одного рубля с каждого флакона. обращаться по адресу: Харьков, ул. Артема, 12. Всеукраинскому институту эндокринологии.

КАЖДОМУ

мастеру цеха,
рабочему-
ударнику
необходимо изучить технику своего производства.

ЭТОМУ
ПОМОЖЕТ
БИБЛИОТЕКА

ТЕХНИЧЕСКИЙ СПРАВОЧНИК УДАРНИКА

выпускаемая редакцией журнала „Овладеем техникой“, состоящая из 12 книг.

Каждая книга охватывает отдельную отрасль промышленности:

1. Металлургия (черная и цветная, сплавы).
2. Машиностроение и обработка металлов (горячая и холодная).
3. Энергетика и электрификация.
4. Топливо и теплотехника.
5. Транспорт (железнодорожный, водный, воздушный, дорожный).
6. Строительные работы.
7. Легкая индустрия (текстиль, кожа).
8. Х и м и я.
9. Горно-рудное дело.
10. Общетехническое.
11. Рационализация и организация производства и вопросы труда.
12. Техпропаганда.

СПРАВОЧНИК рассчитан на квалифицированного рабочего-ударника и содержит необходимый минимум сведений по каждой отрасли. При этом в справочнике особое внимание уделяется последним достижениям и актуальным техническим вопросам в данной области.

Книги изложены популярно-доступным языком. В материале преобладают справочные таблицы с необходимыми пояснениями как ими пользоваться.

Материал иллюстрирован чертежами и рисунками.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА:

12 мес.—4 р., 6 мес.—2 р., 3 мес.—1 р.

Подписку сдавайте местной почте не позже установленного ею срока.

Журнально-газетное объединение

СПОСОБ УПОТРЕБЛЕНИЯ ПРИ КАЖДОМ ПРЕПАРАТЕ.
ПРОДАЖА ВО ВСЕХ АПТЕКАХ И МАГАЗИНАХ САНИТАРИИ УССР.

ПРОСПЕКТ ВЫСЛАЕТСЯ ЗА 20 КОПЕЕК МАРКАМИ

Продолжается прием подписки с текущего месяца.
Журнально-газетное объединение

ЗАКАЗЫ ВЫСЫЛ. НАЛОЖЕННЫМ ПЛАТЕЖОМ БЕЗ ЗАДАТКА.
ЗАКАЗЫ АДРЕСОВАТЬ: Москва, Советская пл. 28/о РТО.

**И альбому, прилагается
семь нинг (1116 стр. текста)**
Цена альбома в папке со всеми прило-
жениями 30 рублей. Пересылка за счет
заказчика. Высылается только по по-
лученной задатка не менее 10 рублей.
Москва, Г.С.П.10. Моховая ул., д. № 26

ЦЕНЫ НА ПАРФЮМЕРИЮ И КОСМЕТИКУ СНИЖЕНЫ

ПРОДАЖА ВО ВСЕХ АПТЕКАХ
АДРЕС ИНСТИТУТА. Москва 4, Лавров пер.6.

Адрес Института: Москва 4, Лавров пер., д. 6.

ВСЕ СМОТЯТ **274** ВСЕ СЛУШАЮТ

КАК ВОСПИТЫВАЕШЬ ТЫ СВОИХ ДЕТЕЙ?

В свете наших социалистических достижений, вопросы коммунистического воспитания ребенка приобретают исключительное значение.

Дело коммунистического воспитания—дело самих трудящихся.

Журнал «ДРУГ ДЕТЕЙ» обращает внимание широких масс трудящихся вокруг практических задач по детскому коммунистическому воспитанию.

Журнал организует самодетельность масс вокруг организации культурных учреждений, ведающих коммунистическим воспитанием и образованием детей и их физическим одолевением. Семья, школа, детдом, детский клуб, ясли, детская площадка и т. д. не остаются вне поля зрения журнала «ДРУГ ДЕТЕЙ».

Каждый рабочий и работник, каждый колхозник и колхозница, каждый трудящийся должен быть активным читателем и подписчиком журнала.

ДРУГ ДЕТЕЙ

Продолжается прием подписки на 1932 год.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА:
12 мес.—3 р., 6 мес.—1 р.
50 к., 3 мес.—75 коп.

Подписку сдавайте местной почтой не позже установленного ею срока.

Жур.-изд. объединение

ЧИТАЙТЕ ЖУРНАЛ ОВЛАДЕЕМ ТЕХНИКОЙ

ЗА 669 тысяч тонн бумаги в 1932 году.
ЗА годовой тираж газет в 6,5 млн. экз. и 5,2 млн. листов-оттисков книг и журналов.
ЗА развертывание советского бумажного машиностроения:
ЗА развитие советской полиграфии,
ЗА новые виды сырья для бумаги.
ЗА создание первой в мире по мощности издательской промышленности будет б о р о т ь с я Н О В Ы Й Е Ж Е М Е С Я Ч Н Ы Й Ж У Р Н А Л

ЗА МАТЕРИАЛЬНУЮ БАЗУ ПЕЧАТИ

Орган Госплана СССР и Комитетов по делам печати РСФСР и УССР.

Продолжается прием подписки с текущего месяца.
ПОДПИСНАЯ ЦЕНА: 12 мес.—10 руб., 6 мес.—5 руб., 3 мес.—2 руб., 50 коп. Розничная цена номера—1 рубль.

Подписка принимается только почтой не позже установленного ею срока.
Журнально-газетное объединение

СКОРО ФИЛЬМСБЫТ СОЮЗКИНО
выпускает новый художественный
говорящий фильм

ДЕЛА И ЛЮДИ

ЗВУК ЗАПИСАН ПО СИСТЕМЕ
ИНЖЕНЕРА ШОРИНА.

ПРОИЗВОДСТВО МОСКОВСКОЙ
ФАБРИКИ СОЮЗКИНО.

Сценарий и режиссура

А. В. МАЧЕРСТ

Оператор

А. В. ГАЛЬПЕРИН

Звукооператор

Н. А. ТИМАРЦЕВ

В главн. ролях:

Н. П. ОХЛЕПКОВ

арт. 1 МХТ

В. Я. СТАНИЦЫН

арт. 2 МХТ

А. А. ГЕЙРОТ

С. ПОЛЯКОВ

С. ЯКОВЛЕВ

В. А. КОВРИГИН

«МОСОБЛХИМПРОМСОЮЗ»

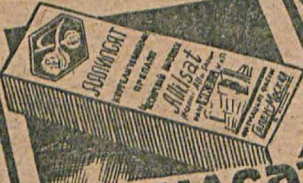
ХИМИКО-ФАРМАЦЕВТИЧЕСКАЯ ФАБРИКА

«Гален-Москва»

МОСКВА, 55-БАХМЕТЬЕВСКАЯ УЛ. 2-й ВЫШЕСЛАВЦЕВ ПЕР., 6-А.

«Секаровская жиакость»
(ВЫТЯЖКА ИЗ СЕМЕННЫХ ЖЕЛЕЗ)
РАЗРЕШ. НКЗ № 8362.
ПРИМЕНЯЕТСЯ ПРОТИВ ИСТОЩЕНИЯ,
УПАДКА СИЛ, ПОЛОВОГО БЕССИЛИЯ
И НЕВРАСТЕНИИ. ВО ВСЕХ ЕЕ ВИДАХ

«Аллисат»
(КОРЕЛИЗОВАННАЯ ЧЕСНОЧНАЯ
ВЫТЯЖКА) РАЗР. НКЗ № К.51.
РЕКОМЕНДУЕТСЯ ВРАЧАМИ ПРИ ОБ-
ЩЕМ АРТЕРИОСКЛЕРОЗЕ С ГИПЕРТО-
НИЕЙ И БЕЗ ГИПЕРТОНИИ, ПРИ АТО-
НИИ КИШЕЧНИКА, КОЛИТАХ С НАК-
ЛОННОСТЬЮ К ЗАПОРАМ И ПРИ
ЯВЛЕНИЯХ СЕРДЕЧНОЙ АСТМЫ.

«Тиолан»
(НАФТАЛАНОВО-ЦИНКОВАЯ
МАЗЬ) РАЗР. МОСЗДРАВОТА.

СРЕДСТВО ПРОТИВ ПРЫЩЕЙ,
СЫПИ, КРАСНОТЫ, ЗУДА КО-
ЖИ И ПРОЧИХ КОСМЕТИЧЕС-
КИХ НЕДОСТАТКОВ.

ПРОДАЖА ВО ВСЕХ АПТЕКАХ И МАГАЗИНАХ САНГИГИЕНЫ СССР
СПОСОБ УПОТРЕБЛЕНИЯ ПРИ ПРЕПАРАТЕ

ПРИ ОТСУТСТВИИ НА МЕС-
ТАХ ЗАКАЗЫ ИСПОЛНЯЮТСЯ
ПРИ ПОЛУЧЕНИИ ЗАДАТКА В
50% ПОСЫЛОЧНОЙ КОНТО-
РОЙ «ГОРТ» — МОСКВА,
МОСКОВСКАЯ УЛ. 26.

НА СУММУ СЫЩЕ 200 РУБ. ЗАКАЗЫ МОГУТ
ВЫПОЛНЯТЬСЯ НЕПОСРЕДСТВЕННО ФАБРИКОЙ